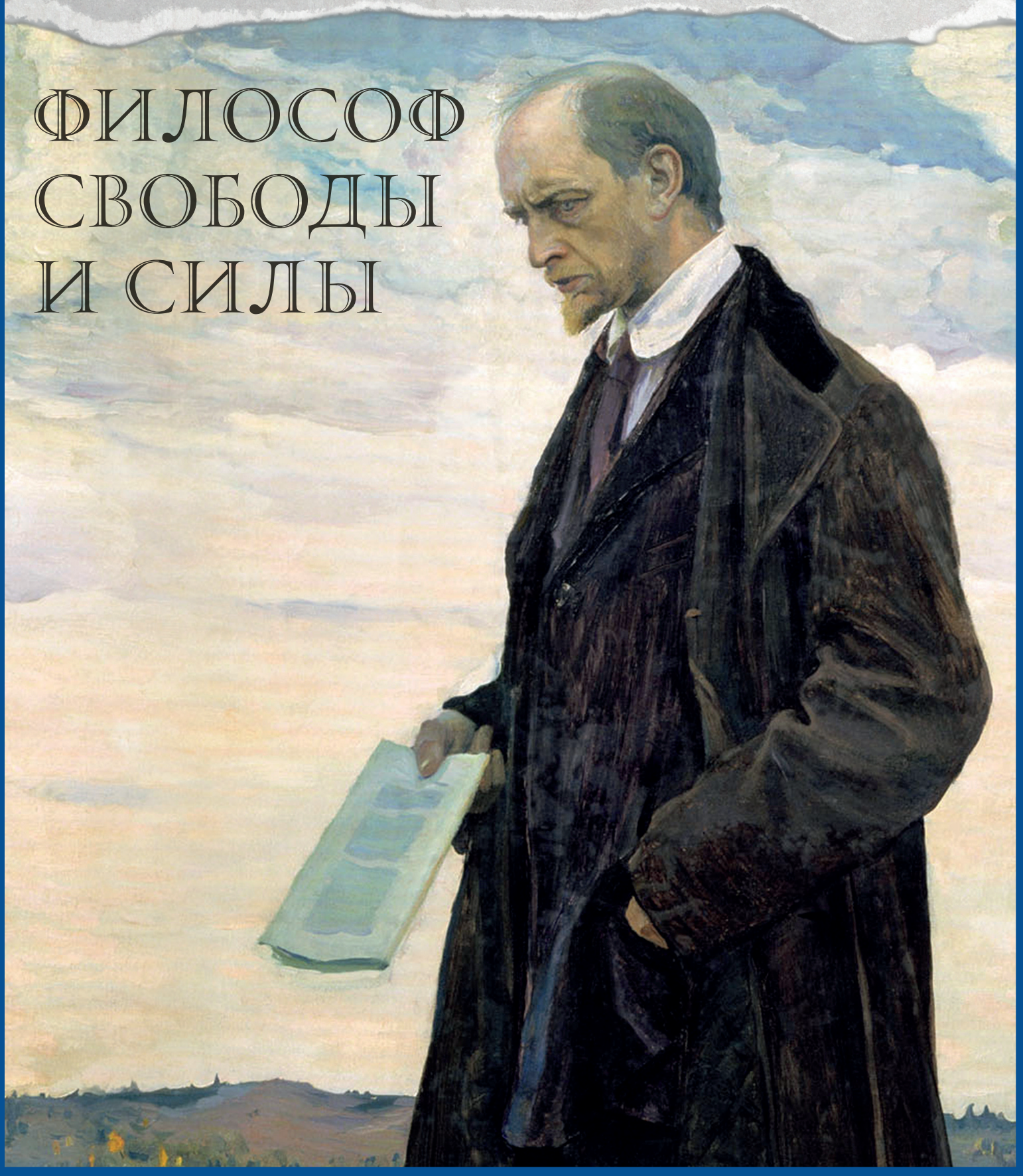
Информационный бюллетень Форума "Бердяевские чтения"

САМОПОЗНАНИЕ

№ 2 Бердяевские чтения Русская idea 2015

ФИЛОСОФ СВОБОДЫ И СИЛЫ



В ЭТОМ ВЫПУСКЕ:

ИВАН ИЛЬИН – ФИЛОСОФ СВОБОДЫ И СИЛЫ

Борис Межуев
Иван Ильин: каким может быть русский европеец? 5

«Ильин искал сущность свободы как подобия Божия в человеке»
Интервью с Юрием Лисицей 7

«Неприятие идей Ивана Ильина либералами свидетельствует только об их необразованности»
Интервью с Игорем Евлампиевым 12

Егор Холмогоров
Правый гегельянец в окопах Сталинграда 18

ИДЕОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НОРМЫ

Константин Крылов
Молодость Ивана Ильина 25

Аркадий Минаков
Певец русской волевой идеи 34

АКСИОМЫ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Любовь Ульянова
Скрытое славянофильство в творчестве Ильина 38

Олег Денисов
Проект Основных законов России: путь к национальному единству 43

Иван Ильин
Штирнер и анализ нравственной философии Гегеля 48

ПРАВЫЙ ГЕГЕЛЬЯНЕЦ В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ

Политический публицист,
автор книг о проблемах русского национализма.

Одно из самых распространенных обвинений в адрес Ивана Ильина со стороны прогрессивных журналистов, ведущих уже не первое десятилетие против него информационную войну,— это упрек в двусмысленной и недостаточно патриотической позиции в годы Второй Мировой войны. Мол, Ильин то ли симпатизировал Гитлеру, то ли выступал «против Гитлера и Сталина». В любом случае, предполагается, что он не был вместе с большинством русского народа, когда тот схлестнулся со смертельным врагом в величайшей в своей истории битве.

Типичный пример — статья Кирилла Мартынова в «Новой газете» с характерным хлестким названием «Философ кадила и нагайки». «В битве правых и левых гегельянцев, развернувшейся однажды под Сталинградом, профессор Ильин был отнюдь не на стороне последних» — утверждает Мартынов. Сформулировано достаточно обтекаемо, так чтобы всегда можно было сказать: «не на стороне последних» еще не значит, что «на стороне первых». Но намек вполне прозрачен — в Великой битве на Волге Ильин не сочувствовал «левым гегельянцам» — красным — и в той или иной степени сочувствовал «правым гегельянцам» — коричневым, хотя бы в силу своего «правого гегельянства», абсолютного идеализма, выдающимся представителем которого он был.

Шутка о Второй мировой войне как о «битве правых и левых гегельянцев» вообще довольно избитая и нуждается в запрете правилами хорошего философского тона. С тем же успехом можно назвать Тридцатилетнюю Войну «столкновением двух сект иудаизма». Не говоря уж о том, что в отличие от традиционных германских националистов, и в самом деле бывших правыми гегельянцами, Гитлер и его партия проходят, скорее, по разряду «левых ницшеанцев».

ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИЛЬИН СТОЯЛ НА СТОРОНЕ СВОЕГО НАРОДА ПРОТИВ ТОТАЛИТАРИЗМА И ДИКТАТУРЫ

***

Если говорить о правом гегельянстве всерьез, как о течении, наследующем гегелевский взгляд на историю как на борьбу народов, идущую под водительством хитрого разума в интересах укрепления свободы, то позиция Ильина в отношении Второй Мировой войны была чрезвычайно последовательным правым гегельянством, то есть он стоял на стороне своего народа против агрессии чужого, и на стороне свободы против тоталитаризма и диктатуры.

«Правое гегельянство» Ильина в его подходе к Второй мировой войне означало: 1. Неприми-

«Интересы России требуют прежде всего: 1) Чтобы ее не смешивали с Советским государством; 2) Чтобы не возлагали на русский народ ответственности за злодейства международных коммунистов; 3) Чтобы грядущую войну принципиально осмыслили как войну против левых тоталитаристов и коминтерна, а не против России и ее народа; 4) Чтобы эта цель войны была продумана и признана военными штабами, политическими руководителями и общественным мнением всего Запада и публично гарантирована русским массам – под ярмом и за рубежом; 5) Чтобы Запад понял, что расчленение России создаст в мире вечный очаг гражданских войн, международных войн, брожений, взаимных международных интриг, смут и новых революций...; 6) Чтобы Запад понял, что хозяйственное и политическое равновесие мира не наступит без возрождения и умиротворения национальной России».

Иван Ильин. Из книги «Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 гг. в двух томах»

римую враждебность к германскому нацизму, как уродливому тоталитарному режиму, угрожающему жизни и развитию русского народа; 2. Отрицание самой мысли о каком-то «освобождении», которое нацисты могут принести русским и полемику с подобными взглядами в кругах русской эмиграции, неприятие пораженчества и попыток внешних сил возобновить русскую гражданскую войну; 3. Поддержку целей антигитлеровской коалиции, сочетающуюся с надеждой (к сожалению для Ильина — не оправдавшейся), что участие Советского Союза в этой коалиции приведет к трансформации большевистского режима в сторону большей национальности и свободы; 4. Поддержку национально-освободительной борьбы русского народа против германской агрессии и надежду на пробуждение русского народа ото сна в ходе этой великой борьбы.

Адресовать Ильину обвинения в самомалейшей двусмысленности в отношении Сталинградской битвы значит либо допускать сознательную ложь, либо демонстрировать полное невежество и незнание его вполне ясных текстов. Таковыми являются прежде всего многочисленные статьи, публиковавшиеся Ильиным в швейцарской прессе и собранные в 2004 году в книгу «Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов» (здесь и далее ссылки на это издание).

Швейцария была нейтральной страной, где пронемецкие симпатии были достаточно выраженными, публиковался Ильин под псевдонимом, от имени швейцарского гражданина, и русская фамилия и русское происхождение его ни к чему не обязывали. Тем характерней любовь, выраженная им к своей стране и своему народу, абсолютная уверенность в поражении Германии, которую он выражает с первых дней гитлеровского похода на Восток.

Точно в насмешку над современным прогрессивным журналистом, Ильин посвящает именно битве на Волге большой цикл своих статей, верно предугадывая в нем решающее сражение войны.

В этих текстах Ильин раскрывается перед нами с неожиданной стороны — как незаурядный политический аналитик, достаточно точный военный эксперт — например, он обращает внимание на тот факт, что правый фланг немцев под Сталинградом упирается в пустоту, в «стратегическую дыру» калмыцких степей и это делает крах немецкого фронта неизбежным.

В своей оценке Сталинградской битвы философ всецело стоит на стороне русского солдата, защищающего свою Родину против гитлеровских захватчиков. Его оценка сталинского режима складывается из принципиального отрицания коммунизма и признания того факта, что режим этот, так или иначе, выполняет роль организующей силы сопротивления русского народа агрессорам. «Русские народные массы временно примирились с навязанной им тоталитарной государственной формой как целесообразным орудием войны» (С. 101).

Уже в статьях июля 1941 года Ильин отмечает пробуждение «инстинкта национального самосохранения» у русского народа. Он констатирует, что народ «принимает активное участие в новой войне», русские солдаты «воюют не только храбро, но во многих случаях в безнадежной ситуации бьются до последнего патрона» (С. 64). В феврале 1943 года философ пишет: «Русские воюют на собственной территории и за собственную страну. Ведь русский народ ощущает себя подвергшимся нападению и считает, что находится в состоянии обороны. Русская история неоднократно доказала, что русские воюют с гораздо большей отдачей на собственной земле, чем при непонятном наступлении за пределы своей страны» (С. 160).

Германия ввязалась в двойную войну — не только против сталинского режима, но и против русского народа, который воюет по своей «старой национальной стратегии, но с применением нового оружия» (С. 65).

Суть русской национальной стратегии состоит в том, что войну рассматривают не как игру и не как состязание, а как смертельную схватку, в случае войны русские отдают себя ей без остатка, не жалеют ни жизни, ни имущества. Война за Отечество носит для русских почти религиозный характер, она не может вестись по правилам — это тотальная народная война, которая сразу приобретает партизанские формы.

Русский способ ведения войны Ильин характеризует как маневренную войну на больших территориях,— русская армия будет разменивать пространства ради стратегического выигрыша и её невозможно загнать в угол. «Последнего рубежа» у русских нет — они будут сопротивляться на Дону, на Волге, на Урале, на Кавказе, требуя от врага практически бесконечных ресурсов. «Россия сможет бороться до тех пор, пока хватит сопротивляемости её армии и организаторской власти советского правительства. Страна слишком велика, чтобы её можно было захватить. Существует огромный тыл с действующей военной промышленностью» (С. 76).

Поход Гитлера на Россию предстает у Ильина грандиозным столкновением цивилизаций. «Западноевропейская стратегия соотносится с русской национальной как мелкое европейское пространство с огромным азиатским, как горная страна с континентальной равниной, как каменная культура с культурой деревянной...» (С. 69).

Для «правого гегельянца» эта война в своей основе — столкновение немецкого (и шире — Западного) и русского национального духа, и он уверен, что в этом столкновении русский дух окажется непобежденным.

Решающее преимущество России в этом столкновении, по мнению Ильина, состоит в уникальной выносливости русского народа. В связи с этим Ильин пишет о пяти факторах: это суровый континентальный климат; это природа, в которой выживают лишь выносливые растения и животные; это почва, которая требует напряженного труда; это история многосотлетних войн за выживание; это суровое и взыскательное государство, воспитывающее национальный характер (С. 78).

Русские непременно применят тактику выжженной земли и воевать с Россией, опираясь на ресурсы самой России, будет совершенно невозможно (С. 68). Одну из своих статей Ильин посвящает партизанскому движению 1812 года и Денису Давыдову как теоретику и практику «малой войны». Он отмечает исключительную жестокость этой войны и, в то же время, традиционно снисходительное отношение русских к военнопленным: «С гневом ожидали в России врага, но с состраданием относились к пленным» (С. 135).

В ИЗВЕСТНОМ СМЫСЛЕ ИЛЬИН ВЫСТУПАЕТ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕМ ИДЕОЛОГИИ «СВЯЩЕННОГО СОЮЗА»

Однако Ильин не сводит Вторую мировую войну к пробуждению архаических сил. Русский солдат в ходе войны совершенствуется и приобретает новые навыки. Вступив в войну не в лучшем состоянии, «русский солдат и в нынешней войне не менее достойно, чем в наполеоновских войнах, а технически — даже более того. Он увлечен своим делом, а потому налету хватает указания и инструкции» (С. 161).

Ильин отмечает и «комбинацию военной и революционной тактики», используемую Красной армией, что, в частности, проявлялось в уличных боях. «Современная тотальная война вооружила и обогатила свою тактику этим революционным методом борьбы... Использование опыта войны на баррикадах, в блиндажах и жилых домах; использование дедовских методов партизанской войны с современными (радиосвязь и пропаганда); сплав древних казачьих методов войны с новыми

– Уважаемый господин Робинсон, в своей статье 2003 года «"О сопротивлении злу силою": Иван Ильин и необходимость войны», публиковавшейся в «Journal of Military Ethics», Вы пишете о том, что эта работа Ильина «несомненно соответствует общей православной теории применения силы и является частью четко определенной восточной традиции». В чем состоит эта традиция, каковы ее особенности, с какими именами она связана? Сохраняется ли эта традиция в какой-либо форме, или Ильин был ее последним представителем?

– Конечно, следует признать, что на Западе Ильин известен довольно плохо, и его идеи по поводу международного права не получают серьезного обсуждения. Что касается ситуации в России, то о ней я судить не могу. Православная Церковь никогда не развивала в систематической форме теорию "справедливой войны". Однако существуют различные направления православной мысли, касающиеся этики войны, но, как мне представляется, преобладающая линия рассуждений здесь исходит из того допущения, что война оправдана только в том случае, если она оценивается как меньшее зло, но, важно учесть,– «меньшее зло», а не как моральное добро или «справедливое» деяние. Мысль Ильина, по-видимому, укладывается именно в эту традицию, которая, судя по решению Юбилейного архиерейского Собора Русской православной церкви 2000 года, озаглавленному «Война и мир», не прервалась и не была исчерпана. В этом документе сказано так: «Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попранной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством». Со своей стороны, я бы сказал, что само приложение слова «справедливость» к войне проблематично. Редко когда война подчиняется принципу разделения на «черный-белый», при котором одна сторона должна быть признана безусловно справедливой, а другая – всецело несправедливой.

Из интервью канадского военного историка, профессора Университета Оттавы Пола Робинсона корреспонденту «Самопознания» Олегу Шендерюку

противотанковыми методами обороны... Иными словами современная тотальная война обучалась у революции, и не только технике и тактике, но и пропаганде и агитации» (С. 161).

***

Чрезвычайно интересна оценка Ильиным советской индустриализации и промышленной подготовки СССР к войне. Прежде всего, он отмечает объективную неизбежность индустриализации. «Уже сто лет, как на Западе сильно переоценивают восточные территории в колонизаторском отношении и сильно недооценивают русский народ. Уже сто лет в национально-политической литературе России отмечается порой совершенно открытый тезис европейцев: у русских варваров слишком большая территория, которая не используется. Поэтому не надо было иметь большого ума, чтобы после Первой мировой войны начать в России грандиозную индустриализацию» (С. 162).

Иначе говоря, неудачный для России исход Первой мировой войны задал императив индустриализации. Ильин пишет об этом — и это опровергает популярный в нашей левой литературе тезис, что никто кроме коммунистов не смог бы осознать необходимость индустриализации и её реализовать. Претензия Ильина к большевистскому режиму состоит в том, что «никакая буржуазная индустриализация не потребовала бы от народа таких отчуждений и лишений, как в коммунистическом государстве, чтобы, готовясь к войне, не оставить в людях хоть какие-то физические силы» (С. 162). Другими словами, Ильин упрекает большевистский режим за создание индустриального, технического капитала посредством непростительного расходования и изматывания человеческого капитала — и этот упрек трудно не признать обоснованным.

«Русская интеллигенция,— отмечает Ильин,— после 1933 года переходила от тихого саботажа

и пассивного сопротивления к воплощению в жизнь грандиозной индустриализации, заложенной в пятилетние планы. Этот слой интеллигенции, а с ним и большая часть русского народа, настроен против коммунистов, но за Отечество, чем на деле объясняется обильный приток оружия и боеприпасов, необходимый для материального обеспечения войны, и эвакуация с Украины тяжелой промышленности в Сибирь. Без активного участия народа были бы невозможны индустриализация, организация, военное обучение, обеспечение армии и зимнее наступление» (С. 162–163).

Уже летом 1941, в момент наиболее впечатляющих успехов вермахта, Ильин считает его победу над Россией категорически невозможной. Невероятным ему представляется и свержение интервентами коммунистического режима, «если только счастливый случай на войне не предоставит возможность взять в плен Сталина» (С. 82).

Шанс на исчезновение режима Ильин видит лишь в том, что в ходе национальной войны русский народ неизбежно придет в противоречие с вненациональным мышлением большевистской элиты и захочет ее устранить как негодный инструмент национальной обороны. Но «чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага и тем больше воюющие народные массы учились подчиняться дисциплине национального военного Верховного командования, не обращая внимания на партийный режим» (С. 182).

Одним из решающих факторов лояльности к власти Ильин считает память о неудаче в предыдущей мировой войне (трудно сказать, насколько это верно относительно широких масс в России, но этот аргумент точно определял восприятие ситуации самим Ильиным). «В воспоминаниях народа о Первой мировой войне, дезертирство с которой обернулось страшным возмездием, продолжавшимся целых 25 лет, побеждала мысль о том, что эту войну надо лояльно довоевать до конца» (С. 182–183).

ИЛЬИН ВЕРИЛ В ВОЗМОЖНОСТЬ СОГЛАСОВАТЬ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ЕВРОПЫ НА ПРИЗНАНИИ ВЕЛИКОЙ РОССИИ КАК ВАЖНЕЙШЕГО ФАКТОРА СТАБИЛЬНОЙ И СЧАСТЛИВОЙ ЕВРОПЫ И МИРА

Ильин сдержанно, но вполне определенно демонстрирует своё неприятие «дефетизма», то есть желания поражения своему Отечеству, весьма распространенного в эмигрантской среде. С подчеркнутым скептицизмом он относится к Власову и власовщине как к запоздалой попытке немцев организовать «новую русскую гражданскую войну» (С. 218). Эта попытка представляется ему обреченной, несмотря на весь «свободно-демократический» декор власовщины, поскольку ей предшествовали годы антирусской оккупационной «восточной политики» Розенберга. Кто вызывает у Ильина искреннее

и глубокое сочувствие — так это русские «остарбайтеры», насильственно (что он неоднократно подчеркивает) угнанные в Германию (С. 203–205; С. 214–218).

Лишь с того момента, когда победа русского народа становится несомненным, Ильин возвращается к традиционной для белой эмиграции заботе о нераспространении коммунизма — он решительно сочувствует западным союзникам и малым странам Европы в надежде, что они не допустят расширения зоны советского влияния. Именно этим позиция Ильина отличается от позиции той части «патриотической эмиграции» (к ней относился постоянный оппонент Ильина Н. А. Бердяев), которая была заворожена выкованной в войне новой красной Империей. Сталинский коммунизм неизменно остается для Ильина врагом русского народа и врагом «свободного мира», на последний Ильин уповает в деле освобождения русских из-под коммунистической тирании.

***

В послевоенных «Наших задачах» Ильин (как позднее в определенный период своей политической биографии Александр Солженицын) возлагает надежду на то, что грядущее столкновение Запада и СССР приведет к падению коммунизма и видит миссию русской эмиграции как раз в том, чтобы, «целясь в коммунизм», Запад не «попал в Россию».

В этом особенность политического мышления Ильина, из всех русских правых мыслителей, пожалуй, в наибольшей степени чуждого влиянию русских славянофилов, Данилевского и Леонтьева, и, тем более, евразийцев — то есть школ, осмыслявших отношения России и Европы как цивилизационное противоречие. Ильин опирается почти исключительно на уваровско-победоносцевскую политическую традицию. Для него Россия — не особый мир, принципиально враждебный с Западом, а органичная часть европейской мировой системы, одна из форм почивающего на Европе «Абсолютного духа». Форма, может быть, более чистая и одухотворенная, чем Запад, но не имеющая ему сущностной, природной противоположности.

В известном смысле Ильин выступает последователем идеологии «Священного Союза». В статье «Мировая политика русских государей» он отзывается на работу известного итальянского историка Гулельемо Ферреро, который открыл для своих читателей тот факт, что своим «столетним миром» (1814–1914) и необычайным прогрессом Европа была обязана почти исключительно политике русских государей.

«Девятнадцатый век принес Европе «очень немного войн», «мало кровавых и мало разорительных, кроме разве войны 1870 года. Германия, Франция, Англия, Соединенные Штаты — гордились до самого 1914 года тем порядком и миром, которые господствовали во вселенной в течение

целого века, тем богатством, которое им удалось извлечь из этого порядка и мира», и соответствующим прогрессом. Все эти «чудеса, ослепившие XIX век, они считали своим делом и своею гордостью. Но теперь мы знаем, что мы тут были ни при чем, что это был почти бесплатный дар, поднесенный Германии, Франции, Англии, Соединенным Штатам, всему Западу — последними наследниками Византии», т.е. Царями». «В течение века,— резюмирует Ильин,— Европа и Америка были на банкете всеобщего благоденствия гостями и почти прихлебателями русских Царей» (Наши задачи..., С. 101).

Порой Ильин теряет всякую надежду открыть европейцам глаза на истинное место России в Европе и мире. Он начинает подозревать, что речь идет не о незнании, а о сознательном расположении воли, предопределенном не снимаемым конфликтом цивилизаций: «Все видимое преклонение европейца перед «точным знанием», перед «энциклопедической образованностью», перед «достоверной информацией», словом,— вся этика истины — смолкает, как только дело коснется России. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать не ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии» (Наши задачи..., С. 99).

Но всё-таки Ильин не теряет надежду окончательно. Он все еще надеется убедить Запад в том, что разрушение России, её расчленение, идеология колонизации Западом русских пространств — все это невыгодно для мирового равновесия и вредит как Европе, так и Америке. Обоснованию этого тезиса посвящена, пожалуй, самая популярная у нас геополитическая работа Ильина «Что сулит миру расчленение России?», в которой он пытается указать на то, что «самостийная Украина» непременно станет сырьевой колонией ремилитаризирующейся Германии, что не выгодно ни США, ни Англии, ни Франции.

Но Ильин не предвидел наступления в Европе эры дефолта национальных интересов, когда противоположность интересов Германии и Англии с Францией исчезнет, объединенная Европа и США сплотятся против России, а «самостийная Украина» из элемента дисбаланса европейского равновесия превратится в таран, разбивающий стены враждебного Западу русского пространства. Впрочем, смутное предчувствие такого сценария у Ильина есть, и он бросает, походя, фразу: «для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно о паневропейском объединении и о всероссийском расчленении» (Наши задачи..., С. 101).

Вопреки несправедливо закрепившейся за Ильиным репутации сухого доктринера, в его политических работах много поссибилизма. Его мысль скачет от веры в возрождение России собственными силами до надежд использовать в освобождении русского народа столкновения Советов с Западом, но не Германией. Германофобия, неприятие как гитлеровской, так и любой другой Германии — константа в его геополитическом мышлении (см. статью «Германия — главный национальный враг России» // Наши задачи..., С. 19), резко противоположная предмету его ранних философских штудий и тому, что Ильин как русский европеец всегда жил именно в германском мире.

Точно так же, будучи в теории сторонником демократии и умеренного консервативного либерализма и, в то же время, монархистом, свято верящим в идеального «государя-патриота», Ильин единственным средством подготовить гражданское общество, способное к демократии, видит национальную диктатуру. В этом тоже можно увидеть своеобразное отражение ильинского гегельянства — Хитрому Разуму доступен богатый спектр средств для того, чтобы привести народы к поставленной Абсолютным Духом цели, и тот, кто ясно видит цель, тот в выборе средств совершенно свободен.

Эта гибкая адаптивность политической идеологии Ильина, при несомненно патриотическом, национально русском императиве, делает его сегодня весьма удобным национальным идеологом. Его вера в возможность согласить интересы России и Европы на признании Великой России как важнейшего конструирующего фактора стабильной и счастливой Европы и мира, весьма точно коррелирует с нашим сравнительно недавним прекраснодушием, так стремительно обанкротившимся на украинском вопросе, не случайно считавшимся Ильиным одним из ключевых.

Но гибкость политической мысли Ильина вновь делает его актуальным идеологом. Его философия русской стратегии, его уверенность в беспощадности тотальной войны, на которую способен русский народный дух, когда он преследует задачи национального самосохранения, удивительно созвучны сегодняшнему дню.